

ГОРЬКИЙ — Е. К. ФЕРРАРИ

Переписка Горького с Еленой Константиновной *Феррари* (псевдоним Ольги Федоровны *Голубевой*, 1899—1939) относится к 1922—1923 гг.

В годы гражданской войны Е. К. Феррари работала в большевистском подполье оккупированной немцами Украины и пропагандистом в частях армии. За участие в гражданской войне была награждена орденом Красного Знамени. С Горьким познакомилась в 1922 г. В 1923 г. в берлинском издательстве «Огоньки» вышла книга ее стихов «Эрифилли».

В начале тридцатых годов Феррари сотрудничает в журналах «Красная новь», «Новый зритель», «Пионер» и др.

Ниже публикуется девять писем Горького и десять писем Феррари.

1

ГОРЬКИЙ — ФЕРРАРИ

⟨Берлин. 16 апреля 1922 г.⟩

Милая Елена Константиновна,

приехав сюда, не застал здесь издателей, погрузился в трясину различных делишек и — не успел еще ничего сделать с вашими стихами.

Великодушно простите, пришлю вам стихи на пасхе, а пока посылаю обещанные книжки стихов; обратите внимание на Ходасевича¹, а — особенно, на Одоевцеву².

Как вы живете? Хорошее воспоминание у меня о вас. Очень милый человек вы, — да будет вам хорошо на земле!

Жму руку.

А. Пешков

16.IV.22.

С праздником!

¹ В. Ф. Ходасевич. Счастливый домик. Вторая книга стихов. Пг.—Берлин, изд. Гржебина, 1922; «Путем зерна». Третья книга стихов, 2-е дополн. изд. Пг.—Берлин, 1922.

² И. Одоевцева. Двор чудес. Стихи (1920—1921). Пг., «Мысль», 1922.

2

ФЕРРАРИ — ГОРЬКОМУ

⟨Шёнау. Вторая половина апреля 1922 г.⟩
Pansion Zimmermann Schönau i/W (Baden).

Алексей Максимович, дорогой мой, ура!

⟨...⟩ Посылаю мой рассказ в стихах. Пока писала — казалось хорошо, но кончила — и боюсь, что недостаточно хорошо, чтоб могло быть посвящено вам. Но так или иначе — вам. Тема его мне очень близка, и потому очень важно — как вы его найдете. Моя книга рассказов подвигается медленно: три готовы, остальные еще не написаны, хотя задуманы

все. Вообще задумано страшно много, я все боюсь, что чего-то не успею сделать.

Как вы живете? Как ваше здоровье? Останетесь ли в Берлине на все лето? Есть ли у вас телефон и можно ли с вами говорить?

Вчиталась в присланные вами книжки — и Ходасевич мне очень нравится. Напрасно взвела на него поклеп. Получила 2 первых № «Новой русской книги»¹ — и не знаю, лучше ли оставаться в стороне вообще от пишущей публики или стоит подойти к ним поближе. Ремизов и Пильняк вводят меня в великое сомнение: странно как-то пишут и думают, наверное, тоже так — не по прямой улице, а всё норовят по переулкам да закоулкам, оттого-то и язык у них такой — и по-русски будто, а иной раз втупик становишься. Отрывки Пильняка «Ростиславль»² (в «Накануне») — то же самое. Я думаю все-таки, что лучше не только не усложнять формы, а, наоборот, упрощать ее до того, чтоб она совсем исчезла, а осталось бы одно содержимое. Впрочем, это зависит от внутренней структуры автора. Вот, напр(имер), почитать В. Брюсова, — и как ясно рисуется его портрет, хоть его и не знать.

Алексей Максимович, не слишком часто я вам пишу?

Желаю всего хорошего. Крепко жму руку.

Елена Феррари

Датируется по письму 1.

¹ «Новая русская книга», ежемесячный критико-библиографический журнал. Берлин, изд. И. Ладыжникова, 1922, №№ 1—2.

² Б. П и л ь н я к. Город Ростиславль. Отрывки из повести.—«Накануне», 1922, № 2, от 28 марта.

3

ГОРЬКИЙ — ФЕРРАРИ

(Сааров. 2 октября 1922 г.)

Елена Константиновна,

простите, что не отвечал вам до сего дня, но я перебирался из Герингсдорфа в Сааров и, вот, только что устроившись здесь, — отвечаю.

За последнее время я прочитал столько новых стихов, полученных из России, что решительно не могу оценить ваши, — как пьяный, уже не ощущаю вкуса новой бутылки вина, хотя, м(ожет) б(ыть), это очень хорошее вино.

Не думайте, что сказанным я уклоняюсь от определенного ответа, нет! Поверьте, что судьба начинающего писателя всегда — и всегда искренно — волнует меня.

Но — я за оригинальностью формы ваших стихов, порою, чувствую нечто неясное, плохо сделанное и — не знаю, так ли это?

И видя однообразие содержания их, тоже не знаю — так ли это? Может быть, именно в однообразии их сила? Ахматова — однообразна, Блок — тоже, Ходасевич — разнообразен, но это для меня крайне крупная величина, поэт-классик и — большой, строгий талант¹.

Меня смущает в стихах ваших «щегольство» ассонансами, нарочитая небрежность рифм и прочие приемы, в которых я чувствую искусственность и не вижу искренности.

Но — снова — так ли это?

Я — не знаю.

И вот мне хотелось бы, чтоб вы сами ответили себе на этот вопрос.

Будьте здоровы!

Как живете?

А. Пешков

¹ Позднее Горький изменил свое отношение к стихам Ходасевича. В заметке о Ходасевиче он пишет: «Странный человек. Умен, но есть в нем жалкая торопливость заявить о своем уме всему живущему, даже мухам. Талантливо, трогательно сочиняет очень хорошие стихи, весьма искусно соединяя в них Бодлера с Верленом. Но основным ремеслом своим сделал злое слово и весьма изощрился в этом <...>

Убежден, что реальный мир ему, символисту по должности, враждебен и противен, но очень высоко ценит маленькие удовольствия и удобства мира сего.

Вне поисков „цветов зла“ ум его ленив. В оценке людей и явлений жизни — беззаботен, тороплив, и часто эта беззаботность граничит у него с обывательским невежеством» (1925 г., АГ).

4

ФЕРРАРИ — ГОРЬКОМУ

<Берлин, 6 октября 1922 г.>
Berlin, W., Kleiststrasse, 34.
6—10—22.

Милый Алексей Максимович, спасибо вам за письмо. Относительно неточных или небрежных рифм. Неужели вас бьют по слуху и пастернаковские: форма — тормоз, сиреневый — выменивать... и постоянные ассонансы Есенина? У меня это ни в коем случае не щегольство, а единственная возможная форма, так же, как и неточный ритм: паузы и затакты среди полных стоп — совершенное уподобление музыкальной фразе. Если мои рифмы звучат неискренно — значит, они плохо сделаны, но я глубоко убеждена в жизненности неточной рифмы и больших ее преимуществ перед точной: она дает новые оттенки сочетанию звуков, разнообразит его, всегда получается какое-то неожиданное закругление, изгиб. Вроде открытых окон: постоянно дует. И для чтения стихов — интересная форма — то сжимает, то растягивает голос. Если действительно так писать — ошибка, — не знаю, смогу ли дальше писать стихи. Теперь же пишу много, они меня захлестывают, не дают ни о чем другом думать и даже снятся. Несомненно, моя потенциальная сила много больше умения и потому мне трудно ее организовать.

С прозой у меня получилось тяжело. Я показывала мои вещи (новые) Шкловскому. Он сказал, что они неплохи, но еще совсем не написаны. Этот человек, несмотря на все свое добродушие, умеет так разделить тебя и уничтожить, что потом несколько дней не смотришься в зеркало — боишься там увидеть пустое место. Я не знаю, как нужно писать. Как видно, на одном инстинкте далеко не уедешь, и литературному мастерству надо учиться, как учатся всякому ремеслу. Весь мой душевный и умственный багаж здесь мне не поможет, а учиться я уже вряд ли успею. Я хотела в самой простейшей, голой форме передать некоторые вещи, разгрузиться что ли, хотя бы для того, чтоб не пропал напрасно материал, но, оказывается, и этому-то простейшему языку надо учиться. С другой стороны, я боюсь слишком полагаться на Шкловского, т(ак) к(ак) он, хоть и прав, но, должно быть, пересаливает, — как всякий узкопартийный человек, фанатик своего метода, — говоря, что сюжет сам по себе не существует и только форма может сделать вещь. Так или иначе, но я сильно оробела, и руки на прозу у меня пока еще не поднимаются.

Стихи мои не напечатаны, и надежды мало, но, может быть, это к лучшему. Работаю над ними с мучительной радостью, и кроме них у меня ничего нет и не надо. Отвлекает только калтурная работа и мысль о том, что надо вернуться в Россию. Чувствую себя скверно, следовало бы скорей уехать, но жаль прерывать писать.

Как ваше здоровье, Алексей Максимович? Говорят, что вы за лето мало поправились. Не собираетесь ли в Berlin?

Желаю вам всего хорошего.

Е. Ф.

Р. С. Получила открытку от В. А.¹ и, так как в ней есть просьба, касающаяся вас, то пересылаю ее вам. В. А. все время хворал, а последнее время был вовсе плох. Очень ухудшает его состояние забота о семье, которой он теперь не поддержка. Будьте здоровы.

¹ О ком идет речь, установить не удалось

5

ГОРЬКИЙ — ФЕРРАРИ

⟨Сааров. 10 октября 1922 г.⟩

Трудно мне согласиться с вами, Елена Константиновна!

Я — поклонник стиха классического, стиха, который не поддается искажающим влияниям эпохи, капризам литературных настроений, деспотизму «моды» и «законам» декаданса. Ходасевич для меня неизмеримо выше Пастернака, и я уверен, что талант последнего, в конце концов, поставит его на трудный путь Ходасевича — путь Пушкина.

На мой взгляд — плохо, когда человек, поддаваясь нервной и пошловатой суете будних дней, начинает говорить ее трепаным языком. Ему кажется, что это своеобразно и ново, но — по существу — это распыление души, это печальная уступка пестроте и дробности жизни, которая не любит и не хочет поэзии, и принимает ее охотно, лишь тогда, когда поэзия отражает — или — прикрашивает ее уродства.

Не сердитесь. Поэзия — это любовь.

Есенин — анархист, он обладает «революционным пафосом», — он талантлив. А — спросите себя: что любит Есенин? Он силен тем, что ничего не любит, ничем не дорожит. Он, как зулус, которому бы француженка сказала: ты — лучше всех мужчин на свете! Он ей поверил, — ему легко верить, — он ничего не знает. Поверил и закричал на всё и начал всё лягать. Лягается он очень сильно, очень талантливо, а кроме того, — что? Есть такая степень опьянения, когда человеку хочется ломать и сокрушать, ныне в таком опьянении живут многие. Ошибочно думать, что это сродственно революции по существу, это настроение соприкасается ей лишь формально, по внешнему сходству.

Всем написанным здесь я хочу сказать, что — как мне кажется — вы не ищите себя, не хотите дойти до ощущения личной вашей ценности и своеобразия вашего, а заключаете ваше «я» в сеть кривых линий, пожалуй — чуждых вам. А хотелось бы, чтоб каждый человек оставался самим собою во всех вихрях, — это особенно ценно во дни, когда множества людей стригутся под одну гребенку.

Жму руку. Привет!

А. Пешков

10.X.22.

【6

ФЕРРАРИ — ГОРЬКОМУ

⟨Берлин. 14 октября 1922 г.⟩
Berlin, W., Kleiststr., 34.
14—10—22.

Уважаемый Алексей Максимович, я получила ваше письмо. Оно подкормило червяка, который давно меня грызет. Я знаю, что роль левого искусства вообще — неблагоприятная роль чернорабочего. Если — или когда — Пастернак будет писать классическим стихом, то это будет совершенно блестяще. Пикассо, создавший шедевры футуризма, возвратился к реалистической форме¹ — но какая тонкость в понимании материала и в обращении с ним, какая оригинальность неожиданной конструкции тел — чего нет у художников, не прошедших чистилища

футуризма. Я очень верю вам — у вас в подходе к искусству исторический масштаб, но посмотрите — Репин, мастер и мэтр, на старости лет увлекается футуризмом, так велика потребность обновления формального, кроме остального. Неужели вы думаете, что Хлебников был напрасно и что Ходасевич мог расцвести и не на почве современности? У меня здесь, как говорят хохлы, ум за разум заходит. Я говорила много с художниками-футуристами, — у меня создалось такое впечатление, как

ФОМА, САША, УХТИЩЕВ И ДР. НА ПЛОТУ

Рисунок В. М. Канашевича к повести Горького «Фома Гордеев», 1933 г.

Музей Горького, Москва

будто все не то заблудились, не то стоят в тупике. Убеждены в своей правоте, но не вообще, а в данный момент и для себя.

Единственная опора — инстинкт (убеждение — придумано), а искусство — любовь идет по инстинкту.

Если я стою на ложном пути, — тем хуже, — и это не имеет собственной ценности, то во всяком случае это не напрасно. Ходасевич как-то сказал мне по этому поводу, что победителей не судят. Победа будет, должно быть, за ним, а футуристам дадут в истории литературы служебную роль — злодея в ложноклассической комедии или вроде большевиков, которые пришли, сделали свое и уйдут. Работа их останется приемникам, и те ее перекроют и отшлифуют.

Вы говорите, что я не ищущ себя. Я ведь тоже иду исключительно по инстинкту, но иду осторожно и боюсь крайностей, т(ак) к(ак) они всегда вредят художественности. Шкловский говорил, что я левею прямо на глазах. Не знаю, нужно ли и удачно ли, думаю, что, скорее, да, чем нет, но искренно — определенно да.

Мне очень хотелось бы поговорить с вами о методах работы и посоветоваться насчет некоторых вещей. Нельзя ли мне приехать к вам за этим на полчаса-час в ближайшее время?

Всего хорошего и спасибо вам за письма.

Будьте здоровы.

Е. Ф.

¹ Имеется в виду переход Пикассо от кубистических работ к произведениям так называемого «неоклассического периода» (начало двадцатых годов).

7

ГОРЬКИЙ — ФЕРРАРИ

(Сааров. 15 октября 1922 г.)

Конечно — приезжайте, Елена Константиновна!

Есть поезд от Fürstenwald'a до Saarow'a, а от вокзала до меня — 10 минут.

Не смотрите на мои назойливые письма как на попытки учить вас и вывихнуть вам душу, — таких намерений нет у меня.

Но в даровании вашем чувствуется мною некая острота, которую, я боюсь, вы потеряете в поисках формы.

И мне хочется, чтоб вы, иногда, разрешали себе наслаждение быть простой, даже наивной.

В новшествах же стиха нередко видишь нечто акробатическое и вымученное.

Привет. А. Пешков

15.X.22.

8

ФЕРРАРИ — ГОРЬКОМУ

(Берлин. 8 января 1923 г.)

Berlin, W., Kleiststr., 34.

8—1—23.

Уважаемый Алексей Максимович,

сегодня я получила письмо от С. Л. Рафаловича¹, который, не зная вашего адреса, просит меня написать вам, что в связи с тем, о чем вы говорили с Ильей Зданевичем², он (Рафалович) очень хотел бы повидать вас и в особенности теперь, пока у вас пребывает Андре Жермен³. Он будет вам очень благодарен, если вы сообщите ему (через меня), когда он мог бы к вам приехать, начиная с конца этой недели.

Пользуюсь случаем и посылаю вам мою последнюю вещь. Мне было очень приятно слышать, что «Фазилет» вам понравилась — понравится ли «Шюкри»?

Желаю всего хорошего.

Е. Феррари

P. S. Относительно стихов. У меня уже давно был соблазн вводить слова на другом языке *не переводя их*, как я, наконец, сделала здесь («лимонли, каймакли дондурма» — по-турецки — «лимонное, сливочное мороженое», «елла» — по-гречески «иди сюда», а «гель бурья» — то же самое по-турецки. Разница в счете времени — 6 часов, т. е. в полдень по турецки 6 и в полночь тоже). Вообще же при стихах этого объяснения не будет⁴. Очень хотелось бы знать, как вы это найдете?

Е. Ф.

¹ Сергей Львович *Рафалович* — поэт, литературный критик.

² Илья Михайлович *Зданевич* — поэт и критик-футурист, в начале десятых годов был тесно связан с художественной группировкой «Ослиный хвост». После Октябрьской революции эмигрировал.

³ См. Горький — Каверин, письмо 4, прим. 5.

⁴ Речь идет о цикле стихотворений Феррари на турецкие темы, который был впоследствии опубликован в переводе на итальянский язык под названием «Prinkiro», Roma, 1925. В конце сборника был приложен перевод отдельных турецких слов, вошедших в стихи Феррари, на итальянский язык.

ПЕВЦЫ НА БЕРЕГУ

Рисунок (сепия, сангина) В. А. Милашевского к повести Горького «Городок Окуров», 1932 г.

Музей Горького, Москва

⟨Сааров. 11 января 1923 г.⟩

Елена Константиновна,

будьте добры сообщить С. Л. Рафаловичу, что он может приехать, когда ему угодно, — А. Жермен здесь, живет в одном доме со мною.

Стихи ваши «Джон», «Мадам» — на мой взгляд лучше всего, что вами написано, но, разумеется, «каймакли», «дондурма» и прочие словечки

требуют объяснений, хотите вы этого или нет ¹. Иначе получается нечто вроде песнопений наших хлыстов:

Саварсай пурана
Майя дива луга.

Приготовьтесь, сейчас я начну обижать вас.

Сударыня! У вас есть ум — острый, вы обладаете гибким воображением, вы имеете хороший запас впечатлений бытия и, наконец, у вас налицо литературное дарование. Но при всем этом, мне кажется, что литература для вас — не главное, не то, чем живет душа ваша и, вероятно, именно поэтому вы обо всем пишете в тоне гениального Кусикова ², хотя вам, конечно, известно, что каждая тема требует своей формы и что истинная красота, так же, как истинная мудрость — проста.

Надеюсь, что я смертельно поразил вас, и больше не стану отливать жестоких пуль для убийства женщины, которая может — а потому должна — найти свою форму для своего содержания. Пока же она всё еще говорит чужими словами и строит их по чужим планам. Турецкий, греческий и другие лексиконы в данном случае не могут помочь.

Ищите себя — вот завет Сааровского старца, который любит литературу и относится к вам серьезно и сердечно.

Можете ругаться и спорить, но я остаюсь при своем: вам надо выработать иную, очень свою форму, в этой же вы себя искажаете и можете погубить.

Вы мало работаете. Поэзия для вас — не главное.

Будьте здоровы. А. Пешков

11. I. 23.

¹ Стихи «Джон», «Мадам» вошли в сборник «Prinkiro». См. письмо 8, прим. 4.

² Александр Борисович Кусиков (р. 1896) — поэт-имажинист.

10

ФЕРРАРИ — ГОРЬКОМУ

⟨Берлин. 12 марта 1923 г.⟩
W. 62. Kleiststr., 34.
12—3—23.

Уважаемый Алексей Максимович,

не разрешите ли вы мне побеседовать с вами для газеты «Information» (орган французских радикал-социалистов) о современной русской культуре и литературе, в частности. Газету очень интересует ваше мнение по данным вопросам, и она просила меня обратиться к вам с этой просьбой.

Я буду вам очень благодарна, если вы сообщите мне, могу ли я для этого приехать и когда именно.

Посылаю вам заодно мои сказки ¹ — цикл их еще не закончен.

Как вы их найдете?

Желаю вам всего хорошего.

Уважающая вас Е. Феррари

¹ Эти произведения Феррари до нас не дошли.

11

ГОРЬКИЙ — ФЕРРАРИ

⟨Сааров. 16 марта 1923 г.⟩

Поздравляю вас, Елена Константиновна, рассказы, на мой взгляд, очень удались вам!

Более того: мне кажется, что вы нашли тот, эпически спокойный, очень, в то же время, человечный тон, который ныне ищут многие менее

успешно, чем это удалось вам. И хорошо чувствуется под этим тоном, внутри его скрытая лирика. Хорошо.

И, конечно, очень советую вам продолжать эти очерки, сделать их штук 15—20, целую книжку.

Позвольте только заметить, что «Вместо предисловия» — вещь совершенно лишняя: рассказы такого тона и содержания не требуют ни преди-, ни послесловий. А сама по себе вещь не так удачна и проста, каковы следующие за нею.

Еще раз: мои сердечные поздравления.

И — всего доброго.

А. П е ш к о в

16.III.23.

12

ФЕРРАРИ — ГОРЬКОМУ

⟨Берлин. 19 марта 1923 г.⟩
W. 62. Kleiststr., 34,
19—3—23.

Уважаемый Алексей Максимович,

меня очень обрадовало ваше письмо. Я не была уверена в том, что именно тон моих сказок покажется вам хорошим. Я продолжаю их писать и, если вы позволите, буду присылать следующие. Книжки в 15—20 сказок я приготовить не успею, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ скоро еду в Россию, а должна сдать книжку до отъезда, но до десяти, пожалуй, догоню.

Желаю вам всего хорошего.

Ваша Елена Ф е р р а р и

13

ФЕРРАРИ — ГОРЬКОМУ

⟨Берлин. 22 апреля 1923 г.⟩
Berlin, W. Kleiststr., 34.
22—4—23.

Дорогой Алексей Максимович,

Ваше письмо¹ меня очень обрадовало.

Хотя с Максимом Алексеевичем я говорила *только о нем* (и только потому, что он сам меня на это вызвал), но думала действительно и о вас, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ люди говорили, что слышали обо мне «в доме Горького». Я очень рада, что это неверно о вас, и тысячу раз прошу прощения, что думала так. Не сердитесь, ради бога, — в этом не только моя вина, и мне пришлось слишком дорого расплатиться за все версии обо мне.

Вы пишете, что моей биографии для вас не существует. Мне от нее отречься не нужно. Я бы гордилась моей биографией, если бы допускала, что для меня был возможен и другой путь. Но это зависело не от меня, так, как мой рост или цвет волос. Во всяком случае я твердо знаю, что никто на моем месте не сделал бы ничего лучше и больше моего и не работал для России в революцию с большим бескорыстием и любовью к ней. И мне очень больно, если вам, чтобы хорошо относиться ко мне, нужно вычеркнуть мою биографию.

Я не знаю, о какой моей пьесе В. Ходасевич говорил вам. Он не читал моих пьес. Я думаю, что он спутал — это, должно быть, поэма (и не белым, а простым стихом), что я ему читала зимой. Пришлю ее вам на днях, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ у меня ее нет сейчас. Пока же посылаю очерк «Литейная» (это будет главой повести) и две сказки. Как вы находите «Эльку»? Мне кажется, это лучше всего, что я написала, хотя все еще не так, как

надо. И вообще, я пишу не так, сама чувствую неверный тон. Я не владею ни языком, ни материалом и, кроме того, не уверена, что писать надо. Вы вот думаете, что у меня нет любви к моему ремеслу. Я не знаю. Радости от него во всяком случае мало. Но на эту безрадостность, а иногда и отчаяние, я ничего не променяю. Литература у меня не главное, а единственное, и если я ее не «люблю», то обрекаюсь ей абсолютно.

Как ваше здоровье? Желаю вам скорее поправиться — и не сердитесь, ради бога, на меня.

Елена Феррари

¹ Письмо Горького не сохранилось.

14

ГОРЬКИЙ — ФЕРРАРИ

⟨Сааров. 24 апреля 1923 г.⟩

Все три вещицы — не плохи, Е⟨лена⟩ К⟨онстантиновна⟩, и, думаю, что они пойдут во 2-м ⟨№⟩ «Беседы»¹. Кое-что необходимо убрать — кое-какие словечки. Очень советую: не печатайте «Литейную» отрывками, весьма вероятно, что это будет удачная вещь. Хорошо «Кресту твоему».

И особенно хорошо — если вы не ошибаетесь — что литература для вас «единственное». Так и надо.

О биографии. Вы меня неправильно поняли, но, впрочем, я сам виноват здесь, если не приписал к словам: «Для меня ваша биография не существует» — так, как вы ее рассказываете, ибо у меня есть личное впечатление. Биография только одна из деталей его. Человек говорит о себе всегда неверно, и самое важное в том, что он говорит, — это: почему именно он говорит неверно?

Одни — потому, что желают ярче раскрасить себя, другие — потому, что ищут жалости, есть и еще множество причин невольной лжи человека о себе самом. Но есть люди, которые, говоря о себе, ничего не ищут, кроме себя. К таким людям я и отношу вас. В этом — нет комплимента, нет и обиды, это просто — мое впечатление, вызванное вами. Понятно?

Ну — все сие не суть важно, важно же, чтоб вы работали. Думаю, что вам пора иметь немножко веры в ваш талант. Желаю успеха от всей души.

Болен, устал. Крепко жму руку.

А. Пешков

24.IV.23.

¹ Произведения Феррари в журнале «Беседа» напечатаны не были.

15

ФЕРРАРИ — ГОРЬКОМУ

⟨Берлин. 1 мая 1923 г.⟩

W. Kleiststr. 34.

1—V—23.

Простите, милый Алексей Максимович,

что задержалась с ответом: все нездорова и, вообще, затирают разные неудачи.

Я буду очень рада, если эти мои последние вещи пойдут в «Беседе». А со «словечками» — сделайте по вашему усмотрению.

Желаю вам всего хорошего. Как ваше здоровье?

Е. Феррари

16

ГОРЬКИЙ — ФЕРРАРИ

<Сааров, 1 мая 1923 г.>

Елена Константиновна—

слышал, что вы едете в Россию. Мне надо знать: будете ли вы там печатать ваши рассказы и какие именно?

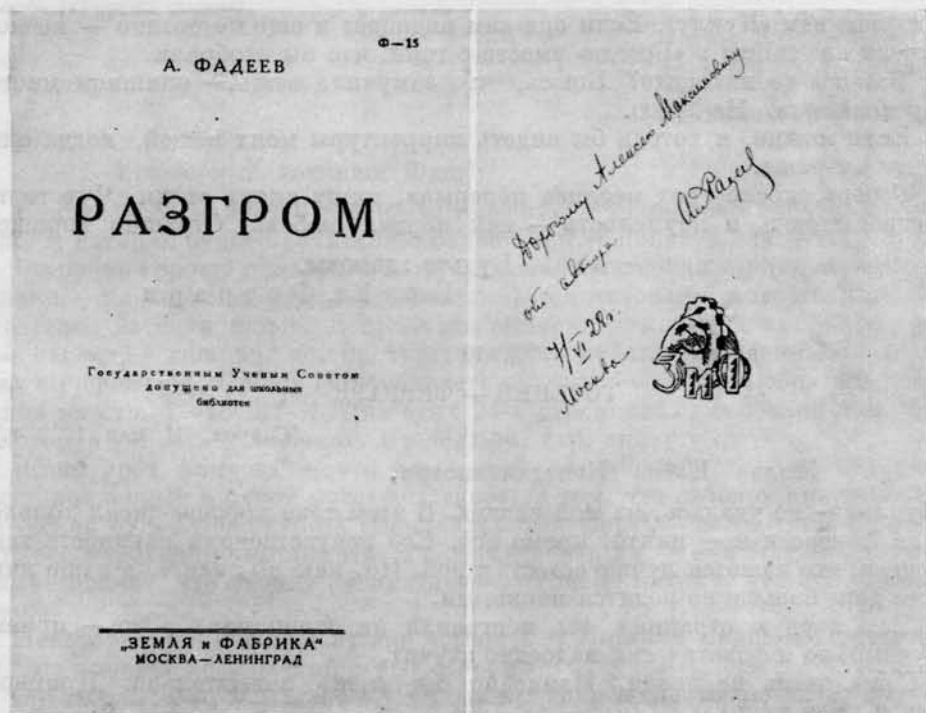
Во 2-м № «Беседы» хотелось бы напечатать «Эльку», «Коммуну», «Кресту твоему», но мы можем напечатать это лишь в том случае, если вы не станете вторично печатать их в русских изданиях.

Как вы смотрите на это? Прошу ответить.

И — доброго пути!

А. Пешков

1. V. 23.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ А. А. ФАДЕЕВА ГОРЬКОМУ НА ПОВЕСТИ «РАЗГРОМ»
(М.— Л., 1927):

«Дорогому Алексею Максимовичу от автора. А. Фадеев. 7/VI 28. Москва»
Личная библиотека Горького

17

ФЕРРАРИ — ГОРЬКОМУ

<Берлин. 5 мая 1923 г.>

W. 62. Kleiststr. 34.

5—V—23.

Уважаемый Алексей Максимович,

у меня отправлены в Москву «Анюта», «Коммуна», «Звонарь» и «Глаза». Очень жаль, что я не знала, что вы взяли бы «Коммуну», «Эльку» и «Кресту». Я, разумеется, печатать нигде больше не буду. Через два-три

дня пришло вам одну вещь, может быть, она сможет быть третьей вместо «Коммуны».

Когда еду — еще не знаю. Жду визы из Москвы. Боюсь, что это затянется дольше, чем я того хотела бы.

Как ваше здоровье?

Всего хорошего.

Елена Феррари

18

ФЕРРАРИ — ГОРЬКОМУ

⟨Берлин. 21 мая 1923 г.⟩

W. 62. Kleiststr. 34.
21—V—23.

Милый Алексей Максимович,

посылаю вам «Куклу». Если она вам подойдет и еще не поздно — не может ли она пойти в «Беседе» вместе с теми, что вы отобрали.

Как вы ее находите? Боюсь, что замучила вещь, — слишком много переписывала. Не знаю.

Если можно, я хотела бы видеть корректуры моих вещей, когда они будут набраны.

Теперь, после трех месяцев перерыва, пишу снова стихи. Чувствую растроганность и неумелость — как первая любовь. Страшно хорошо.

Будьте здоровы.

Ваша Ел. Феррари

19

ГОРЬКИЙ — ФЕРРАРИ

⟨Сааров. 31 мая 1923 г.⟩

Милая Елена Константиновна,

«Кукла» — не удалась, на мой взгляд. В этом тоне хорошо писал только Ганс Андерсен и — никто, кроме его. Его искусственная наивность так хороша, что кажется лучше естественной. Но, как вы знаете, в наши дни даже дети больше не рождаются наивными.

Всю первую страницу вы построили на отрицаниях. Это — прием скучный, да и фонетически надоедно звучит.

Тема очень не новая. Написано не очень внимательно. Пример: «ели и пили вино».

Вино нельзя есть, уверяю вас! Я очень близко и давно знаком с делом употребления вина. Его всегда и всем полезно пить, но я не встречал даже среди заядлых пьяниц и обжор ни одного, который съел бы бутылку вина. Простите шутку. У меня снова разыгрался туберкулез, а это — веселая болезнь.

Рад, что вы хорошо настроены. Жму руку.

А. Пешков

31.V.23. S⟨ааров⟩.